

**СПИЦЫН Д.В.,
аспирант СПбДА**

**УБИЙСТВО АВЕЛЯ КАИНОМ
(Быт. 4, 8) в Великом покаянном
каноне святого Андрея Критского
и влияние предшествующей традиции
на экзегезу события**

Великий покаянный канон — гимнографическое произведение Православной Церкви, своим удивительным покаянным настроением поражающее миллионы верующих христиан. Огромное количество цитат, аллюзий, парафраз и просто упоминаний библейских персонажей показывает, как сильно святой Андрей Критский вдохновлялся Священным Писанием при написании канона. Однако не стоит забывать, что преподобный Андрей был образованным человеком своего времени, что означало его эрудицию не только в церковном Предании, но и вне его. Подобный взгляд на источники канона, не ограниченный трудами только канонизированных святых отцов, но допускающий знакомство автора с трудами Филона Александрийского, Оригена и др., позволит уточнить смысл отдельных песнопений, констатировать влияние на те или иные экзегетические мысли в каноне, а также определить степень оригинальности идей самого святого автора, преподобного Андрея Критского. Такой подход к Великому канону можно попро-

бовать проиллюстрировать рассмотрением тропарей об убийстве Каином Авеля (Быт. 4, 8). Для начала необходимо вспомнить само это событие.

У первых людей родились сыновья, Каин и Авель. Авель был пастухом, а Каин — земледельцем (см.: Быт. 4, 1–2). Однажды они приносили жертвы: каждый соответственно с тем, чем он занимался (стихи 3–4). Господь принял дар Авеля и отверг приношение Каина, в результате чего последний огорчился (стихи 4b–5). Невзирая на призывы Всевышнего владеть собой, Каин зовет Авеля выйти с ним в поле и убивает его там (стихи 7–8). При этом не указывается орудие убийства. Этому событию в Великом каноне посвящено два песнопения: тропари ВК 1:7 *«Кáиново прешéd убíйство, произволéнием бых убíйца сóвести душéвней, оживív плоть, и воевáv на ню лукáвыми мо́ими де́яньми»* и 2:31 *«Комú уподóбилася есú, многогрéшная душé, тóкмо пéрвому Кáину и Ламéху óному, каменовávшая тéло злодéйствы, и убíвшая ум безсловéсными стремлénьми»*¹.

В первом из них, что интересно, идет обращение к человеку как к носителю души, как к третьему лицу по отношению к душе и телу. Молящийся сам себя обвиняет в подражании кровопролитию Каина. При этом глаголы действия отличаются в разных греческих текстах. В славянском тексте содержится классический вариант «прешед», дословный перевод стоящего в греческом тексте канона слова *ὑπελθών*², причастия

¹ Принцип идентификации песнопений канона следующий: первое число означает номер песни согласно последованию Великого канона на утрне 5-й седмицы Великого поста, второе — номер тропаря в рамках указанной песни.

² Τριώδιον κατανακτικόν. Ἐνετίησιν, 1856. Σ. 259.

мужского рода настоящего времени активного залога именительного падежа от слова ὑπέρχομαι, означающего «проникать, закрадываться (о чувствах), обольщать»³. Святой Андрей напоминает молящемуся о том, что те же чувства, что и у Каина, закрадываются в его душу, акцент сделан на констатации того факта, что человек обольстился таким дурным примером.

Другой вариант действия по смыслу немного отличается от указанного выше. В версии Великого канона в «Patrologia Graeca» стоит слово μετελθών⁴, имеющее те же грамматические характеристики, что и разобранное слово ὑπελθών, за исключением значений словарного слова μετέρχομαι — «делать, устраивать»⁵. В данном случае человек как бы продолжает проступок Каина, является подражателем его беззакония, его учеником, слепо копирующим проступок учителя. Вполне возможно, что это слово наиболее полно и ярко отражает все настроение тропаря.

Святой Андрей раскрывает сам способ подобного следования за Каином. Свободным выбором, намерением, стремлением человек стал убийцей совести своей души. А добился этого тем, что оживил плоть и воевал против нее скверными своими делами (στρατεύσας κατ' αὐτῆς ταῖς πονηραῖς μου πράξεσιν). Как видно, святой Андрей предлагает увидеть в случившейся трагедии прообраз духовных реалий падшего человечества. Каин понимается грешащим человеком, убивающим родную ему, как Авель Каину, совесть души посредством оживления плоти и борьбы против нее

³ Дворецкий И.Х. Древнегреческо-русский словарь. Т. 2. М., 1958. С. 1682.

⁴ См.: *Andr. Cr. Magnus Canon* // PG 97. Col. 1332 B.

⁵ См.: Дворецкий И.Х. Указ. соч. С. 1086.

плохими делами. Здесь имеются в виду плотские страсти. Человек, многократно совершая беззакония ради получения удовольствия и уподобляясь животному, не обращая внимания на все призывы совести опомниться и перестать грешить, со временем «заглушает» ее, а что еще хуже, деформирует так, что она уже не способна быть «голосом Бога в душе». Совесть до такой степени извращается, что может даже начать потакать всем страстям и грешным помыслам и замыслам души. По сути, человек убивает совесть через потакание своим страстям. Таким образом, в данном тропаре Каин — это образ грешащего человека, Авель — совести, а орудие убийства (согласно тропарю ВК 2:31, это был камень; об этом см. далее) — постыдных дел. Подобной экзегезы данного события из жизни первых братьев в христианской традиции обнаружить не удалось.

Тропарь ВК 2:31, по сути, является связующим звеном между историей о Каине и Авеле и происшествием с Ламехом (Быт. 4, 23–24): здесь сплетаются убийства Каина и его потомка Ламеха с толкованием их несчастных жертв. Стоит напомнить, что однажды Ламех обратился к своим женам с воплем о том, что он убил мужчину и юношу за ими нанесенные ему раны.

Тропарь, что обычно для Великого канона, представлен в виде вопроса-увещания молящегося к самому себе, в данном случае к душе. Причем данный вопрос имеет характер возмущения и восклицания: «Кому уподобилась, о многогрешная душа, [как] не...». Душа отождествляется с первым Каином и Ламехом (τῷ πρώτῳ Κάϊν, καὶ τῷ Λάμεχ ἐκείνῳ). Старообрядческий исследователь священноинок Симеон (Дурасов) считает, что указательное местоимение ἐκεῖνος

употреблено для отличия от другого Ламеха, отца Ноя⁶, жившего на два поколения позже (см.: Быт. 4 и 5). Важна и другая мысль ученого: неслучайно именно душа обвиняется в грехах и уподобляется Каину, поскольку она властвует над плотью⁷ и несет ответственность как за нее, так и за свои поступки и состояние.

Далее идет раскрытие вышеуказанного уподобления души Каину. Она убила тело злыми делами (λιθοκτονήσασα τὸ σῶμα κακουργίαις), словно мысленными камнями⁸, что отсылает к экзегетической традиции понимания камня орудием убийства Авеля, о чем будет сказано далее. Уподобление Ламеху выразилось в убийстве своего ума противоречащими или неразумными страстями (желаниями) (κτείνασα τὸν νοῦν ταῖς παραλόγοις ὁρμαῖς).

В данном тропаре Авель осмысливается по-новому: он уже не совесть души, как было в тропаре ВК 1:7, а тело. Надо признать, что это логичное толкование, ведь как человек состоит из души и тела, без которых он не является человеком, так и братья — части одного родства, дети прародителя Адама.

В отношении Ламеха немного сложнее: трудно понять, какая из его жертв понимается умом. Самое простое объяснение, исходя из контекста всего канона: это

⁶ См.: Симеон [(Дурасов)], священноинок. Великий канон свт. Андрея Критского [Электронный ресурс]: сайт. URL: <http://www.posad.1gb.ru/default.aspx?ti=1&hti=51> (дата обращения: 02.05.2018).

⁷ См.: Там же.

⁸ λιθοκτονήσασα — причастие аориста женского рода единственного числа активного залога в именительном падеже от редкого глагола λιθοκτονέω, образованного от существительного ἡ λιθοκτονία — «смерть через побиение камнями» (Liddel H. G., Scott R. A Greek-English Lexicon. Oxford, 1996. P. 1049).

юноша, так как в последующем тропаре ВК 2:35⁹ он так и толкуется («ум, яко юношу»). Действительно, если надо было бы под умом понимать другую жертву Ламеха, мужчину, то стоило бы на это указать. Однако диакон Владимир Василик считает иначе, подразумевая под умом Авеля¹⁰. При этом он основывается на толковании соответствующего места Писания преподобным Максимом Исповедником. Действительно, в 49-м вопросоответе к Фалассию Каин прямо назван законом плоти, а Авель, судя по контексту, действительно может быть истолкован как ум¹¹. В другом месте преподобный Максим понимает Каина мудрованием плоти, а Авеля — умом, скорбью и покаянием. Не окрепший в добродетелях ум, познавая мир, попирается плотскими помышлениями¹². Тем не менее с уважаемым священнослужителем можно не согласиться: в каноне, как это часто случается, если есть песнопения, в которых встречаются библейские персонажи или события и какие-то нравственные элементы, то первые практически всегда будут уподоблены вторым¹³. В данном случае к Каину и Авелю относится причастие «каменавшая», являющееся прямой отсылкой к орудию

⁹ «О како поревновáх Ламéху, пёрвому убíйце, дúшу ёко мúжа, ум ёко ёношу, ёко бра́та же моего́ тéло убíв, ёко Ка́ин убíйца, любосла́стными стремлénьми».

¹⁰ См.: *Василик В., диак.* О Великом каноне святителя Андрея Критского [Электронный ресурс]: сайт. URL: <http://www.pravoslavie.ru/45079.html> (дата обращения: 16.06.2018).

¹¹ См.: *Максим Исповедник, прп.* Творения. Кн. 2. Вопросоответы к Фалассию. 49. [М.,] 1994. С. 159.

¹² См.: *Он же.* Вопросы и недоумения. 77. М., 2010. С. 122.

¹³ Например, ВК 1:3 «Первозданного Адама...», ВК 1:4 «Увы мне...», ВК 1:5 «Достойно из Едема...», ВК 2:34 «Мужа убих...», ВК 2:38 «Одожди Господь от Господа...», ВК 3:14 «Благословения Симова...» и многие другие.

убийства. Соответственно, к Ламеху относится окончание тропаря, рассказывающее об убийстве ума безумными желаниями. Поэтому в данном случае ум относится к жертве Ламеха, а не Каина.

В песнопении присутствует идейный параллелизм: душа уничтожает ту или иную часть человека — тело и ум — соответствующим ей образом: тело подвергается «побиением» «камнями» злых дел, а ум оскверняется неразумными желаниями.

Итак, в данном тропаре осмысляются убийства двух персонажей Священной истории: Каина и Ламеха. Самому Каину уподобляется грешная душа, Авелю — ее тело, жертве Ламеха (возможно, юноше) — ум, а орудию убийства Авеля камню — злые дела. Здесь важно, что упоминается камень, которым Каин убил своего брата. Если все вышеуказанные истолкования Каина, Авеля, жертвы Ламеха и камня для церковной традиции новы (кроме уже рассмотренного мнения преподобного Максима) и установить их источники практически невозможно, то можно изучить традицию толкования камня как орудия убийства¹⁴.

Впервые камень в руки Каина был вложен в иудейском памятнике межзаветной эпохи: в Книге Юбилеев (170–150 гг. до Р. Х.). Так, в 4-й главе сообщается, что на братоубийцу упал дом, в чем видно справедливое наказание грешнику: как он убил своего брата камнем,

¹⁴ Церковная и иудейская экзегетические традиции предложили ряд возможных способов убийства Авеля: мечом, кинжалом, железным орудием, стрелой, копьем, дубинкой, избиением руками/ногами, удушением. Об этом подробнее см.: *Aptowitz A. Cain und Abel in der Agada, den Apokryphen, der hellenistischen, christlichen und muhammedanischen Literatur. Wien; Leipzig, 1922. S. 50–52; Glenthøj J. B. Cain and Abel in syriac and greek writers (4th–6th centuries). Lovanii, 1997. P. 150.*

так и сам скончался от падения своего каменного жилища¹⁵.

В другом апокрифе иудейского происхождения, но сохранившемся на эфиопском языке — «Книга Адама, или Борьба Адама и Евы с сатаной» (I в. по Р. Х.), — Авель сначала просит брата не убивать его, однако потом сам предлагает ему умертвить его одним из больших камней, что Каин незамедлительно и делает¹⁶.

Единственным христианским писателем, аналогичным образом указывающим на камень, является Дидим Александрийский. В своем «Толковании на книгу Бытие» он говорит, что определить орудие убийства не сложно. В числе возможных предметов помимо палки он допускает еще и камень (λίθω)¹⁷.

В еврейском мидраше¹⁸ V–VI веков «Берешит Раба», памятнике иудейской экзегетической мысли, очевидно несущем на себе отпечаток межзаветной литературы, среди прочих мнений относительно предмета убийства Авеля помимо меча и палицы упоминается еще и камень. Аргументируются возможности употребления одного из двух последних орудий: палица, поскольку в Быт. 4, 23 — *отрока в рану мне* — в еврейском тексте стоит слово לְחַבְרָתִי, производное от חֲבוּרָה — «ушиб», то есть Авель был убит предметом, нанесшим ему ушиб. Камень возможен по такой же схеме: все в том же отрывке Быт. 4, 23 стоит

¹⁵ См.: The Book of Jubilees. 4:32 / trans. J. C. Vanderkam. Lovanii, 1989. P. 30:15.

¹⁶ См.: The Book of Adam and Eve, also called The Conflict of Adam and Eve with Satan. Book I, chapter LXXIX / S. C. Malan. London; Edinburg, 1882. P. 101.

¹⁷ См.: *Didyme L'Aveugle. Sur la Genèse*. Т. 1. 126. P. 296:25–26.

¹⁸ Подробнее о мидрашах см.: Мидраш // ПЭ. Т. 45. М., 2017. С. 183–184.

לְפַצְעֵי, производное от слова פָּצַע — «рана», что говорит о предмете, нанесшем рану¹⁹.

В христианской сирийской «Пещере Сокровищ» (не раньше VI в.), представляющей другую редакцию апокрифа «Книга Адама, или Борьба Адама и Евы с сатаною», Каин убивает своего брата в горах булыжником²⁰.

Как видно, экзегетическая традиция камня как орудия убийства Авеля не церковна, она восходит к иудейскому апокрифу межзаветной литературы и распространялась в апокрифической литературе. В христианской традиции ее упоминал только Дидим Александрийский, затем она встречается в «Пещере Сокровищ» сирийских христиан. Очень сложно установить, как она появилась в Великом каноне. Подробности и язык иудейских апокрифов и мидрашей исключают знакомство святого Андрея с ними, поскольку он не знает еврейского языка, что подтверждается неиспользованием в тексте тропарей ВК 1:8–9 о жертвоприношениях братьев²¹ слова מִנְחָה (дар, приношение), стоящего в еврейском тексте Священного Писания. Вполне возможно, что святой критянин, зная сирийский язык, так как он родился и все свое детство до 14–15 лет провел в Дамаске, мог ознакомиться с «Пещерой Сокровищ» и почерпнуть из нее некоторые сведения. Однако для более обстоятельных выводов необходимо изучение рукописной истории всех

¹⁹ См.: Мидраш Раба. [В 10 т.] Т. 1: Берешит Раба. М., 2012. С. 337.

²⁰ См.: Die Schatzhöhle/übersetzt C. Bezold. Leipzig, 1883. S. 8.

²¹ ВК 1:8 «Авелеве, Иисусе, не уподобихся правде, дара Тебе приятна не принесох когда, ни деяния Божественна, ни жертвы чистыя, ни жития непорочнаго», ВК 1:9 «Яко Каин и мы, душе окаянная, всех Содетелю деяния скверная, и жертву порочную, и непотребное житие принесохом вкупе: темже и осудихомся».

произведений этой традиции и компаративный подход к их текстам и к тексту канона.

В результате проведенного исследования было установлено, что: 1) экзегеза Авеля то как совестью, то как телом, а жертвы Ламеха умом для церковной экзегезы в целом нова, что подтверждается отсутствием похожих примеров в ней; 2) толкование не указанного в Писании орудия убийства Авеля камнем, редко встречающееся в церковной традиции (за исключением сирийской «Пещеры Сокровищ»), присутствует в каноне, что может говорить о знакомстве святого Андрея с сирийской христианской литературой; 3) поиск источников влияния на Великий канон не должен ограничиваться творениями только канонизированных отцов, но должен проводиться по всей христианской литературе, куда, без сомнения, входят сочинения Оригена, Филона, апокрифы и др.